

šinki 1942; D. Fokos-Fuchs, *Syrjänisches Wörterbuch*, Budapest 1959; ССКЗД makes clear to us some merits and drawbacks of the work. In the dictionaries where these words are registered dialects are pointed out, and the author is able to define dialect variants of suffixes, but references to a certain dialect prevent the creation of a picture of their functioning in the literary language. Besides, when comparing motivated and motivating words the rule must be observed that both should belong to one and the same dialect, since their meanings in various dialects may be different. The author has not always followed this rule, e. g., the derivative *mozdini* in the Udora dialect is built, in M. Kneisl's opinion, from the word *moz*, used in the Vyčegda, Lower Vyčegda and Sysola dialects and in Komi-Permiak (p. 17). The author lacks consistency in defining the functions of suffixes. Thus, she speaks of the reflexive meaning of the suffix *-š(i)-* but derives it from many-time (continual) relations existing between the derivative and the basic word (see e. g., pp. 27, 70).

In addition to such shortcomings of the work there are misprints and spelling mistakes to a great degree distorting the form of Komi words, e. g. *d'ženmini* in-

stead of *d'žeñmini* 'kurz oder kürzer werden' (p. 22); *kutišni* < *kustini* instead of *kuštišni* 'sich entblößen, gerupft werden' < *kuštini* 'reinigen, rupfen, entblößen' (p. 29); *veššini* instead of *vežšini* or *veššini* '(etwas miteinander) tauschen' (p. 30); *veržert-* instead of *vežert-* 'verstehen, begreifen' (p. 37); *zingini* instead of *zimžini* 'mit Gerassel fest hinwerfen' (p. 41); *navzini* < *nav* instead of *ñavzini* 'miauen' < *ñav* 'miau!' (p. 49); *gorašni* instead of *goršašni* 'gierig, gefräßig sein...' (p. 70); *tšinašni* < *tšin* instead of *tšinašni* 'rauhherig oder vom Rauch schwarz werden' < *tšin* 'Rauch' (p. 72); *kišjašni* instead of *kišjašni* 'auf dem Bauche auf der Erde kriechen' < *kiššini* instead of *kiššini* 'kriechen' (p. 91).

At the end of the monograph the author gives a list of abbreviations (of dialects and certain works on the problem), a bibliography as well as a map of the Komi-Zyrian dialects and a map reflecting the alternation of *l* ~ *v* within them. These maps no doubt are necessary in connection with the methods of investigation proposed by the author.

VERA ČERNYCH (Syktyvkar)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.3.16>

А. С. Кривошекова-Гантман, Л. П. Ратегова,
Коми-пермяцкие говоры, Пермь 1980. 70 с.

Рецензируемое учебное пособие «Коми-пермяцкие говоры» является первой попыткой дать сведения студентам и учителям родного языка и литературы о территориальных разновидностях коми-пермяцкого языка, основанные на новейших экспедиционных материалах. Образцы текстов, приведенных в книге, подкупают документальной точностью. Образцы диалектной речи представляют собой рассказы информаторов — коми-пермяков преклонного возраста — о дореволюционном быте и труде крестьян, о жизни современной деревни. Использованы и отрывки из произведений устного народного творчества: сказки, былички, пословицы, поговорки, загадки. Многие публикуются впервые. Материал представляет большой

интерес не только для лингвистов, но и для фольклористов и этнографов. С выходом в свет этого труда возникает настоятельная необходимость сопоставления его с монографией Р. М. Баталовой «Коми-пермяцкая диалектология». Авторы пособия стремятся по возможности исправить некоторые положения книги Р. М. Баталовой.

Опубликование рецензируемого труда следует считать примечательным прежде всего потому, что в научный оборот вводится обилие новых языковых фактов. Пермистика располагает теперь дополнительными текстами по кудымкарско-иньвенскому (35), косинско-камскому (18), нижнеиньвенскому (6), нердвинскому (3), оньковскому (2), лупьинскому (2) диа-

лектам, которые входят в два наречия (северное и южное) и распространены на территории Коми-Пермяцкого округа. Коми-пермяцкий язык функционирует чуть ли не в сотне населенных пунктов автономного округа и вне его. Диалектологическим обследованием в данном пособии охвачено около 70 говоров. Как пишут авторы, выпуски подобных работ будут продолжены.

На сегодняшний день мы еще не имеем четкого диалектного членения пермяцких говоров. Скорее здесь дело обстоит таким образом: сколько исследователей, столько и классификаций. Знания о всех разновидностях речи накопились постепенно. Известно, что принципы и методы членения диалектов самым непосредственным образом связаны с уровнем изученности данных говоров.

Первая попытка научной классификации коми-пермяцких говоров связана с именем В. И. Лыткина. Выдающимся достижением является выделение В. И. Лыткиным в качестве самостоятельной языковой единицы коми-язвинского диалекта, который квалифицировался многими предшественниками (и некоторыми современниками) как диалект коми-пермяцкого языка. Уместно привести его слова: «Коми-пермяцкую и коми-зырянскую разновидности языка коми некоторые считают двумя самостоятельными языками, оставляя вне поля зрения третью разновидность коми речи — коми-язвинскую. Нам кажется, что будет более правильным, если мы назовем эти три разновидности коми речевой системы наречиями... Коми-язвинское наречие, отличающееся от двух предыдущих коми наречий больше, чем коми-пермяцкое и коми-зырянское друг от друга, является бесписьменным» (В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва 1955, с. 10).

Относительно статуса коми-язвинского диалекта — признание в качестве самостоятельного наречия — более последовательными оказались авторы рецензируемого учебного пособия (А. С. Кривошекова и Л. П. Ратегова) и менее четкую позицию заняла Р. М. Баталова в монографии «Коми-пермяцкая диалектология» (Москва 1975, с. 3).

Известным достижением в коми-пермяцкой диалектологии признается четкое выделение трех собственно-пермяцких

диалектных групп: северной, южной и верхнекамской. В связи с этим вызывает некоторое недоумение факт умолчания в рецензируемом пособии о верхнекамском наречии. Не указано оно и в схеме (с. 18). Северное и южное наречия подвергнуты более дробному членению, причем принципиальные различия выявились по отношению к северной группе диалектов. Так, в учебном пособии выделены косинско-камский и лупинский диалекты, как и у В. И. Лыткина. Р. М. Баталова в своей монографии вычленяет четыре диалекта: кочевский, косинско-камский, мысовский и верх-лупинский (с. 235).

По-видимому, еще преждевременно разбираться в недостатках и достоинствах той и другой классификаций, вопрос об определении диалектов не раз еще будет поднят в процессе дальнейшего изучения народной речи. Разногласия свидетельствуют об отсутствии достаточно четких критериев.

Хочется отметить, что классификация северного региона, предложенная в рецензируемом пособии, характеризуется лингвистически и территориально большей очерченностью. Важным фактором является и то, что один из авторов (Л. П. Ратегова) — носитель северного наречия. Мы склонны признать более приемлемой классификацию северных говоров, в основе которой признаны косинско-камский и лупинский диалекты.

Большое внимание авторы учебного пособия уделяют функционированию послелогов, обозначающих внешнеместные падежи. После текстов, иллюстрирующих тот или иной говор коми-пермяцкого языка, приведены примеры на употребление послелогов в значении внешнеместных падежей, так как здесь имеет место усечение послелогов и превращение их в падежные окончания. Например, *вылын 'на' > вын, вылӧ > вӧ, вылись > вись, вылӧт > вӧт*, аналогична судьба серийных послелогов с основой на *дын- 'возле'* (*дынын > дын, дынӧ > дӧ, дынӧдз > дӧдз, дынӧть > дӧть, дынись > дись*) и *орд- 'при'* (*ордын > дын, ордӧ > дӧ, ордись > дись, ордӧть > дӧть, ордӧдз > дӧдз*). О данном явлении Р. М. Баталова в упомянутой монографии писала: «... процесс разрушения системы серийных послелогов с основой на *выл- 'на'* действует на том или ином уровне развития во всех диалектах коми-пермяцкого

языка. Вероятно, это явление связано с перестройкой системы локативных падежей — с общей тенденцией к увеличению числа внешнеместных падежей. Появление внешнеместных падежей позволяет языку более экономно выразить направление действия по поверхности предмета» (с. 137).

Авторы учебного пособия убедительно доказывают ошибочность подобного мнения тем, что послелоги с основой *выл-* в говорах северного наречия сохранились в первичном виде, например, *пызан вылын* (южн. *пызанвын*) 'на столе', *пызан выльсь* (южн. *пызанвись*) 'со стола' и т. д. Во-вторых, в южном наречии послелоги в неразрушенном виде хотя и встречаются реже, но все же бытуют, например, в нердвинском диалекте, а также имеются полуразрушенные формы, сохраняю-

щие явные черты послелогов и связь с основой *выл-* (с. 10). Авторы пособия объясняют переход послелогов в падежные окончания фонетическими причинами: выпадением губно-губного *v* между гласными в середине слова, в том числе и послелогов (с. 15). Это верное положение подтверждается известной фонетической закономерностью коми-пермяцких говоров относительно выпадения *v*: *ме ои 'я жил' (< олі, ови)*.

В целом книга А. С. Кривошековой-Гантман и Л. П. Ратеговой «Коми-пермяцкие говоры» представляет собой не только сборник упражнений по диалектологии для студентов вуза, но и новый шаг в исследовании нерешенных проблем коми языкознания.

Е. А. ИГУШЕВ, В. А. ЛЯШЕВ

(Сыктывкар)

Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов. Отв. ред. А. К. Матвеев, Свердловск 1978 (Уральский гос. университет им. А. М. Горького). 193 с.

Этимологические исследования. Отв. ред. А. К. Матвеев, Свердловск 1981 (Уральский гос. университет им. А. М. Горького). 173 с.

Вот уже два десятилетия (1962—1981) Уральский университет регулярно выпускает сборники «Вопросы топониматики» («Вопросы ономастики»), содержащие целый ряд серьезных статей по финно-угроведению, топонимике, языковым контактам, по истории русского языка и диалектологии (см. СФУ XIII 1977, с. 221—223). Недавно Уральский университет начал издавать новую серию — «Этимологические исследования», которая уже нашла отклик у широкого круга специалистов, интересующихся проблемами этимологии. Первые два сборника имеют весьма широкую тематику. Наряду с работами из области реконструкции и этимологизации лексического фонда русского языка, в них опубликованы материалы по топонимике, по взаимодействию и взаимовлиянию русского и отдельных финно-угорских языков.

В данной рецензии остановимся лишь на статьях, которые в той или иной мере затрагивают финно-угроведческие проблемы. Объединяет эти статьи стремление авторов ввести в научный оборот материалы, извлеченные из картотеки Север-

но-русской топонимической экспедиции Уральского университета, а также из различных словарей.

Так, в статье О. В. Вострикова «Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (*сорьез, тохта, шохра*)» (с. 45—53) затрагивается проблема финно-угорского субстрата в слабоизученных костромских говорах. Автор подвергает тщательному фонетическому и семантическому анализу три субстратных слова: *сорьез* 'хариус', *тохта* 'гнилое дерево, гнилая сердцевина' и *шохра* 'гнилой, низкорослый лес на болоте' и относит их к наследию северно-финских языков, которые, по мнению А. К. Матвеева, занимали промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамским и волжско-финскими языками (А. К. Матвеев, Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ 1969, № 5, с. 51—52).

А. К. Матвеев в статье «Русск. диал. *чильма*» (с. 54—61) уточняет семантику *чильма* 'глубокая яма (окно) на болоте, поверхность которой может быть водяной